

«Родословная» романа А. Платонова «Чевенгур»: опыт прочтения

Алейников О. Ю. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Монография. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. — 222 с.: ил.)

Н. П. Хрящева
Екатеринбург, Россия

Аннотация. Монография вводит в научный оборот документированные факты отечественной истории времен Гражданской Войны в Воронеже, которые приближают к расшифровке тайнописного «слоя» «Чевенгура» А. Платонова, связанного с трагическими событиями 1918–1919 годов. Результатом поисковой работы ученого в соотношении с текстом романа стало открытие «достоверности» «Чевенгура»; обнаружение приемов подцензурного повествования и, в конечном счете, понимание «родословной» сюжетных и образных решений писателя, что позволило приблизиться к разгадке самых таинственных «мест» романа. Изучение событий и фактов, пережитых Платоновым, открыло также малоизвестные подробности его биографии.

Ключевые слова: Андрей Платонов, Чевенгур, Воронеж, революция, Гражданская война.

N. P. HRYASCHEVA. "Pedigree" of the novel A. Platonov "Chevengur": experience of reading (Aleinikov O. Yu. *Andrey Platonov and his novel "Chevengur". Monograph.* — Voronezh: Nauka-Unipress, 2013. — 222 p.)

Abstract. The monograph introduces the scientific revolution documented facts of Russian history since the Civil War in Voronezh, which is close to deciphering cryptographic "layer" "Chevengur" Andrei Platonov associated with the tragic events of 1918–1919. The result of a search of scholarly work in correlation with the text of the novel was the opening of "authenticity" "Chevengur"; detection techniques censored narrative and, ultimately, understanding "pedigree" story writer and imaginative solutions, enabling closer to unraveling the most mysterious "places" of the novel. The study of events and facts, experienced Platonov, also opened a little-known details of his biography.

Keywords: Russian classic, canon, foreign Russian studies, Sofia University.

В трудах современных платоноведов, содержащих попытку интерпретировать художественную «вселенную» Платонова, звучит мысль о невозможности адекватно понять поэтический язык писателя и рождённые им смыслы без уяснения «основных параметров» создаваемой им «картины мира» [Баршт 2000: 7]. Для выявления доминантных структур воссозданного писателем мира предлагаются разные основания. Одним из самых неоспоримых и проверенных — является изучение рукописного наследия писателя, реально приближающее читателя к пониманию творчества Платонова [Корниенко 1993; Вьюгин 2004: 98-302; Архив А. П. Платонова 2009 и др.]. Монография О. Ю. Алейникова предложила разработку еще одного надежного фундамента, открывающего путь к постижению таинственных глубин платоновского наследия. Гарантом этой надежности стала сама воронежская земля, на которой совершалось становление гениального художника и мужественного, честного человека. Огромная поисковая работа О. Ю. Алейникова направлена на соотношение еще не затвердевшей «мозаики» новых форм жизни в Воронежском крае эпохи революции и Гражданской войны, отраженной в самых разнообразных устных и письменных свидетельствах, — соотношении с текстами платоновских произведений и прежде всего «Чевенгуром» — вершинном создании художника.

Поле поисковой работы ученого становится извлекаемый из разного рода музейных хранилищ и архивных дел материал, непредсказуемый и пёстрый по составу, труднодоступный в силу столетней давности: постановления, обраще-

ния, воззвания, газетные статьи и т. п. Результаты предпринятого поиска оказались поистине потрясающими: документальные свидетельства первых постреволюционных лет в разнообразии общественно-политических, экономических и культурных форм, вдумчиво «соположенные» с событийно-фабульной канвой «Чевенгура» и других произведений развеяли или существенно потеснили их «алогичную ирреальность». Деликатно осуществлённый О. Ю. Алейниковым контекстуальный подход приводит к созданию реального комментария прежде всего романа, его новой жанровой разновидности. Основываясь на документировании сюжетно-фабульных ходов, эпизодов и образов, ученый обнажает предпосылки многих художественных решений Платонова, часто прогнозируя их «функцию» в целостности романного текста. Тем самым автор монографии готовит, по сути, достоверную почву для адекватных научных интерпретаций вершинного произведения Платонова.

Нельзя не признать, что найденная О. Ю. Алейниковым исследовательская «ниша», подтверждающая историчность платоновских текстов, одновременно позволяет заполнить «белые пятна» в биографии писателя, прежде всего 1918-1919 годы, все ещё почти не поддающиеся реконструкции.

Монографический труд интересен не только знакомством с документами, служащими отправной точкой для художественных обобщений писателя, но и самим «сюжетом рассказывания» об их поиске. В качестве примера приведем один из таких замечательных образчиков. Работа в разного рода архивных хранилищах привела исследователя к существенному расширению списка губернских газет, в которых сотрудничал Платонов, молодой член Воронежского комсомола. Алейников называет такие газеты, как «Воронежский красный листок» и «Воронежская беднота». Изучая заметки Платонова в уцелевших выпусках этих газет, автор монографии обращает внимание на сюжет, связанный с фруктовыми садами («В плохих руках», 1919). Он отслеживает его продолжение в публицистике 1922 — 23 годов. Факт столь настойчивого внимания к фруктовым садам позволил Алейникову прийти к выводу о том, что «Платонов — мелиоратор и газетчик склонен рассматривать заботу о саде или небрежение им как критерий оценки деятельности людей, занятых строительством новой жизни» [Алейников 2013: 95].

Учитывая этот критерий Платонова-публициста, исследователь предпринимает тончайший анализ микросюжета о «саде истории и революции», одно-

го из самых загадочных в романе «Чевенгур». Его внимание останавливает притчевая индифферентность этого сюжета, которая входит в целый «веер» сходного рода проекций, связанных с представлениями героев романа «о красоте и нравственности» [Алейников 2013: 99]. О. Ю. Алейников, ощущая некую неполноту в существующих на сегодня толкованиях этих индифферентностей (к примеру, традицию рассматривать любовь Копенкина к мертвой Розе Люксембург лишь в сопоставлении с трагическим рыцарским романом, а также историю с пересаживанием чевенгурских садов), делает попытки найти другие источники. Он обращает внимание на предположение, высказанное одним из современных исследователей [Григорьева 2012: 252], о том, что в описании погибшей немецкой коммунистки Платоновым использована фраза из доклада Л. Троцкого «Мученики Третьего Интернационала: Карл Либкнехт и Роза Люксембург» (1919) и о насаждавшемся повсеместно культе Розы. Так, «Воронежская беднота» из номера в номер «сообщала подробности убийства «наших мертвецов» [Алейников 2013: 100], что не могло пройти мимо внимания газетчика Платонова. Продолжая поиск, ученый находит интересную «отмычку» к семантике притчи «о саде истории». Она таится в полемике, развернувшейся между Л. Троцким и Н. Бухариным, где последний заявлял, что «троцкисты — это «садовники», дергающие растение за верхушку, чтобы оно быстрее росло» [цит. по: Алейников 2013: 103]. «В реторте» художественного воображения Платонова бухаринская метафора преобразуется, разворачивается в зрительный ряд: «Трансплантация садов для ускорения «роста социализма» в «Чевенгуре»... является реализацией этой политической метафоры» [Алейников 2013: 104].

Важно также отметить, что наблюдения Алейникова над образным строем романа позволяют уточнить парадигму художественности, к которой принадлежал А. Платонов периода «Чевенгура». Прием реализации зрительной (политической) метафоры, будучи одним из самых частотных в поэтике романа, определяет тяготение Платонова к авангардному «крылу» модернизма. Этот прием в норму поэтического языка был превращен поэзией Маяковского [Альфонсов 1984: 57, 66, 186].

Одним из самых впечатляющих результатов поисковой работы ученого является документирование хронологической канвы «Чевенгура». Ученый исходит из следующей гипотезы: в основе романного сюжета «лежат события и впечатления, пережитые будущим писателем в период проведения политики

военного коммунизма и переосмысленные в конце 1920-х годов с определенным художественным заданием» [Алейников 2013: 105]. И одна из установок этого задания связывалась с необходимостью создать подцензурное произведение, что и определило сложнейшую «игру» временными пластами: сквозь художественно запечатленные подробности мирной «разборки» Гражданской войны и наступление НЭПа проступает другой временной слой — события 1918–1919 годов как «внутренняя тема романа» (О. Ю. Алейников). Тщательная расшифровка исследователем конкретных реалий, относящихся к этим разным временным пластам, и адекватное объяснение их исторической «функции», очень часто ведет к вполне убедительному «разгадыванию» «темных» мест в «Чевенгуре». Так, к примеру, «Обращение» генерала Деникина со словами: «нам не жалко латышей и китайцев» (Воронежский телеграф. — 1919. — 20 сент. (3 окт.). — с. 1), позволяет понять не только смысл ответа китайцев матросам на «их вопрос о смерти», но и отношение к интернационалистам в целом, которые были «всегда виноваты» [Алейников 2013: 110]. Сходной логикой автор монографии объясняет и стрельбу Концова в «попутные огни железнодорожных жилищ». Реальный исторический комментарий не оценимо значим для платоноведения. Он позволяет увидеть, что причудливая сложность образного строя романа вырастает на конкретной почве.

Контаминация разных временных слоев имеет место и в моделировании автобиографического образа Саши Дванова. Наблюдения исследователя за «почти календарно» обозначенной биографией героя позволили отметить особую важность для Платонова 1919 года — сурового времени военного коммунизма: холода, голода, болезни (по сообщению Сергея Платоновича Климентова автору монографии, Андрей Платонов заболел тифом, «который косил людей, а хоронить некому...») [Алейников 2013: 111]. Попытка ученого реконструировать присутствие этого года на страницах романа, связанная с труднодоступными изданиями, приводит к интереснейшим наблюдениям, которые касаются как принципа моделирования персонажного ряда в «Чевенгуре», так и «многих чевенгурских нововведений». Анализ газет позволил Алейникову увидеть в платоновских героях «наивную веру в реальную силу газетного слова, склонность к буквальной... «практической» реализации пропагандистских метафор...» [Алейников 2013: 114]. В этой связи исследователь отмечает и интерес персонажей к «звезде, кружку и кресту», последовавший в

реальном времени «после обнародования приказов Л. Троцкого», и сооружение глиняного маяка, подсказанное газетой «Воронежская беднота» (1918. — 12 дек. С. 2) и перенос домов в Чевенгуре, явившийся реализацией одной из редакций Интернационала: «Весь мир насилия мы разроем...» [Алейников 2013: 118, 119, 120]. Причем, ученый отмечает интереснейший факт: «дома переносились не только в вымышленном пространстве романа, но и в реальном Воронеже первых пореволюционных лет» [Алейников 2013: 120].

Своеобразной же кульминацией поисковой работы О. Ю. Алейникова является документирование одного из самых трагических эпизодов романа, связанного с ликвидацией «класса остаточной сволочи» [Платонов 1991: 243]. Ученый устанавливает, что источником эпизода является так называемое «Обязательное постановление от 15 сент. 1918 года», которое вышло через 10 дней после принятия Постановления Совета народных комиссаров «О красном терроре» [Алейников 2013: 122]. Чуть позже Алейников находит другой документ, «прощающий» «отдельным категориям лиц» неисполнение предыдущего постановления» [Алейников 2013: 124], что позволяет ему сделать вывод о том, что «алогизм» данной сцены в романе является следствием «запутанности» оставшихся «за текстом «живых» реалий» [Алейников 2013: 123].

Исследование трагических свидетельств Гражданской войны в Воронеже и анализ их художественного преломления в романе позволили Алейникову сделать ряд важных замечаний относительно авторской оценки: «...ему (Платонову — *Н. Х.*) не было безразлично, каким героям передоверять имена, черты и факты биографии — своей и родственников. Серьезным было и отношение автора к смерти. Данный эпизод (расстрел жителей Чевенгура — *Н. Х.*) нельзя считать бессодержательной мистификацией» [Алейников 2013: 132]. Помимо дешифровки тайнописного звучания личной для писателя темы, ученым предположительно найден прообраз сцены расстрела мирных чевенгурцев. Им «установлено, что архиепископ Воронежский Тихон... получил официальное «разрешение на проведение крестного хода... Собралось несколько тысяч человек... Однако уже в самом начале шествия оно было разогнано силой оружия» [цит. по: Алейников 2013: 132]. Более того, автор монографии находит архивные документы с воспоминанием об этом «внезапном случае» руководителя Боевой рабочей дружины М. Чернышова: «Я сделал распоряжение процессию ликвидировать. Солдаты разнесли толпу. Были уби-

тые и раненые... несколько человек арестовано. В ту же ночь мы расстреляли арестованных, в том числе и священнослужителей» [цит. по: Алейников 2013: 133]. В этом же ряду находится и разгадка «эпизода с котлом», едва ли не самым сказочным образом романа. По предположению Алейникова, основной эпизода могут послужить сведения о необычайно жестоких пытках, применявшихся чекистами Воронежской губернии в 1918–19 годах. Алейников приводит свидетельство очевидца «красного террора» историка-эмигранта С. П. Мельгунова. «В Воронеже пытаемых сажали голыми в бочки, утыканые гвоздями, и катали» [цит. по: Алейников 2013: 136]. По другим сведениям сотрудники чрезвычайной комиссии «людей бросали в бочки с вбитыми кругом гвоздями и скатывали бочки с горы» [цит. по: Алейников 2013: 136]. Отметим, свойственное исследователю тонкое ощущение семантических оттенков платоновского слова. Так, комментируя «времена Пиуси», он пишет: «В романе Платонова ... карательная инстанция именуется «обычайкой», а не «чрезвычайкой»: измененное название указывает на обычно применявшиеся методы расправы» [Алейников 2013: 133].

Итак, соотнесение результатов поисковой работы, которую О. Ю. Алейников вел одновременно с вдумчивым наблюдением над текстом романа, позволило ему прийти к важным для понимания вершинного произведения Платонова выводам: во-первых, «текст «Чевенгура» достоверен» [Алейников 2013: 133], и это касается различных эпизодов; во-вторых, «в художественном сознании Платонова» время 1918–19 годов «оказалось созвучным тому, что наступило в период сворачивания НЭПа» [Алейников 2013: 128], поэтому пережитое писателем в годы Гражданской войны стало «строительным материалом» для сотворения «Чевенгура» в конце 1920-х. В-третьих, Алейников, продолжив наблюдения над трансформацией Платоновым первоначальной редакции романа, убедительно обозначил ее главный вектор — «развитие и усложнение приемов подцензурного повествования» путем применения «иносказательных проекций к анализируемым явлениям» [Алейников 2013: 146].

Важно подчеркнуть композиционную завершенность монографии. Она определяется попыткой обозначить эволюцию художественного сознания Платонова. Выросший из «ризомы» повестей второй половины 1920-х годов «Чевенгур» в орбите развернутого им грандиозного диалога, который отразил со-думанье народа относительно идей «всеобщего коренного улучшения», — в этой орбите

удерживал и постчевенгурское творчество Платонова. Глубочайшая органика, свойственная творчеству писателя, превосходно показана О. Ю. Алейниковым на анализе ближайших к «Чевенгуру» эстетических опытов Платонова — «Города Градова», «Сокровенного человека», «Впрок».

Многоаспектное рассмотрение «Города Градова» позволило автору научного труда пересмотреть существующее в платоноведении мнение о том, что эта повесть была написана исключительно по тамбовским впечатлениям. В ней заключено обобщение гораздо более высокого порядка. Ученый доказывает, что «травестированный чин мученика» и «ненастоящее житие» соотнесены с важной для Платонова темой города, претендовавшего на исключительное место в истории... Именно эти претензии и сближают уездный Градов с уездным Чевенгуром [Алейников 2013: 39]. Кроме того, очень важны подлинные факты биографии Платонова, точнее, его вероисповедания. Алейников, ссылаясь на слова Семена Платоновича Климентова, отмечает, что «в годы работы губернским мелиоратором Платонов продолжал «ходить ко всеобщей». В дни поста его встречала в храме мать Мария Васильевна» [Алейников 2013: 34].

Бедняцкая хроника «Впрок», продолжившая тему «губительной силы» казенных бумаг, рассмотрена Алейниковым с позиций пересечения с «Чевенгуром» относительно самой главной проблемы, связанной со «свободой изображать движение фактов» как условием истинного творчества. Однако приведенные писателем факты вызвали лишь гневную реакцию главного читателя страны.

Таким образом, перед нами научный труд, важность которого для изучения творчества Платонова трудно переоценить. Введение О. Ю. Алейниковым в научный оборот огромного количества свидетельств, «удостоверяющих» сюжетно-фабульные линии, эпизоды, лица «Чевенгура» и других произведений писателя, взрыхлило почву для адекватных интерпретаций его творений и позволило несколько иначе взглянуть на природу его дара — способность произрастать из конкретно-исторических форм той жизни, участником, свидетелем и создателем которой он был.

Отметим и изысканный подбор редких иллюстраций, зримо комментирующих научный материал, изложенный в монографии.

ЛИТЕРАТУРА

Алейников О. Ю. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Монография. Воронеж: НАУКА-ЮНИ-ПРЕСС, 2013.

Альфонов В. Н. Нам слово нужно для жизни. Л.: Советский писатель, 1984.

Архив А. П. Платонова. Книга 1. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Барит К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. 2-е изд., дополн. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.

Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2004.

Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946). Здесь и теперь, 1993, № 1.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Хрящева Нина Петровна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Эл. почта: ninaus@olympus.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nryascheva N. P. is a Doctor of Philology, Professor of Literature and Methods of Teaching Department in Ural State Pedagogical University.